

Г. Елизаветина

Н. П. Огарев

Н.П. Огарев. Избранное
М., "Художественная литература", 1977
OCR Бычков М.Н. mailto:bm@lib.ru

Поэт, мыслитель, революционер Огарев принадлежал к плеяде тех, кого Добролюбов называл "людьми будущего", "перед которыми с изумлением преклонится всякое поколение". "Эти люди, - писал Добролюбов, - почерпнули жизненный опыт в своей непрерывной борьбе и умели его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли вровень с событиями" {Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 4. М.-Л., Гослитиздат, 1962, с. 72.}.

Судьба их была нелегкой.

Ближайший друг и соратник Герцена, Огарев прожил жизнь, смысл и содержание которой составляли революционное дело и поэзия.

Николай Платонович Огарев родился 24 ноября (6 декабря) 1813 года в Петербурге, в одной из самых богатых и знатных семей России, из поколения в поколение поставлявшей государству крупных чиновников и гвардейских офицеров. Отец Огарева, Платон Богданович, продолжал традиции семьи. Он достиг высоких ступеней служебной лестницы и пошел бы, вероятно, еще дальше, если бы не бросил службу, потрясенный постигшим его несчастьем - ранней смертью жены. О матери Огарева, Елизавете Ивановне, урожденной Баскаковой, известно мало. Она умерла, когда ее сыну не было и двух лет. Добрая, умная, образованная, она навсегда осталась для сына воплощением женственности и любви. После смерти матери семья поселилась в родовом имении Старое Акшено Писарского уезда Пензенской губернии. Здесь прошло раннее детство Огарева.

Богатый дом и сад! оранжереи...
Полсотня слуг...
Сестра с своей мадамой безотлучной...
И сам отец, который с нами в день
Беседовал три раза очень важно
И коротко, - а на ночь подходил
К постелям - дать свое благословенье,
И исчезал, как царственная тень.
Знакомый, но какой холодный образ!
(*"Исповедь лишнего человека"*)

Атмосфера родного дома была тягостна, "дом мне был тюрьмой", - напишет позже Огарев ("Вы выросли, любя отца и мать..."). Платон Богданович был не злым, а лишь самым заурядным человеком, весьма далеким от рано проснувшихся поэтических и умственных интересов сына. В 1820 году Огаревы переехали в Москву, но уклад жизни не изменился: строгая чинность, традиционный семейный деспотизм отца, молебны и царящая надо всем тоска. "Все это, - вспоминал Огарев, - вызывало во мне сильное противодействие и отрывало от этого удушающего мира" (*"Записки русского помещика"*),

В противоположность стоячему быту с большой интенсивностью шла внутренняя жизнь подростка. Через гувернантку Анну Егоровну Горсеттер, ее подругу Елизавету Евгеньевну Кашкину и некоторых учителей доходили до Огарева запрещенные стихи и отзвуки передовых идей времени. Но переломным моментом жизни стало для него восстание декабристов. "Да! - восклицал Огарев в своей исповеди, - 1825 год имел для России огромное значение. Для нас, мальчиков, это было нравственным переворотом и пробуждением. Мы перестали молиться на образа и молились только на людей, которые были казнены или сосланы. На этом чувстве мы и выросли".

Через два месяца после событий на Сенатской площади скончалась бабушка Огарева. Гувернер мальчика отвел его в дом дальнего родственника Огаревых И. А. Яковлева и попросил "воспитанника" Яковлева, а в действительности его незаконного сына Александра Герцена, развлечь Ника, как называли Огарева в интимном кругу. Этот день, 14 февраля 1826 года, стал началом дружбы, прошедшей через всю жизнь обоих - Огарева и Герцена.